

Веселовский справедливо видел в творчестве романтиков. «Сюжеты варьируются», – подчеркивал ученый, и «новое освещение получается от иного понимания стоящего в центре типа или типов» героя [1, с. 305].

В начале 1900-х годов Веселовский был сосредоточен на поэтике стиля и его структуре. Стиль литературно-художественного произведения проявляется «в комплексе типических образов-символов, мотивов, оборотов, параллелей и сравнений» [1, с. 304]. «Большой стиль» направления и эпохи связан с процессами «повторяемости или общности» содержательных форм, что в свою очередь обусловлено «либо а) единством психологических процессов, нашедших в них выражение, либо б) историческими влияниями» [1, с. 304]. Таким образом, Веселовским был внесен не только выдающийся вклад в разработку принципов исторической поэтики и индуктивных принципов анализа в целом, но и существенный вклад в исследования категории стиля и его «состава скрестившихся элементов» [1, с. 304].

УДК 82.09

Павлова И.Б.

СПОРЫ О СУДЬБЕ РОССИИ. (САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ДОСТОЕВСКИЙ)*

Аннотация. Статья посвящена полемике Салтыкова-Щедрина в цикле «За рубежом» с пушкинской речью Достоевского. Писатели по-разному оценивали уровень религиозного сознания русского крестьянства, взаимоотношения народа и власти, по-разному понимали предназначение России. Спор двух художников находится в преемственной связи с противостоянием Белинского и Гоголя, воплотившимся в их известных письмах. Это свидетельствует, каким сложным для крупнейших представителей отечественной культуры XIX в. был поиск ответа на вопрос, в чем же благо России. Но Салтыков-Щедрин и Достоевский были единодушны в критической оценке западноевропейского буржуазного духа, в своей вере в будущее родины.

Ключевые слова: цикл «За рубежом» Салтыкова-Щедрина, пушкинская речь Достоевского, народ, история, судьба родины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И.К. Горского, сост. и коммент. В.В. Мочаловой. – М.: Высшая школа, 1989.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 4 т. / Под ред. М. Лифшица. – М.: Искусство, 1971. – Т. III [Система отдельных искусств].
3. Гете И.В. Дальнейшее о всемирной литературе // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 10.
4. Гете И.В. Максимумы и размышления. Материалы для истории учения о цветах // Гете И.В. Избранные философские сочинения / Под ред. Г.А. Курсанова и А.В. Гулыги, вступ. ст. и коммент. Г.А. Курсанова. – М.: Наука, 1964.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. (Серия «Вопросы поэтики». Вып. XII).
6. Тынянов Ю.Н. Окомпозиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Отв. ред. В.А. Каверин, А.С. Мясников; подготовка Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977.
7. Шеллинг Ф.В. Философия искусства / Пер. П.С. Попова, под общ. ред. М.Ф. Овсянникова, примеч. А.В. Михайлова. – СПб.: Алетейя, 1996.

I. Pavlova

A CONTROVERSY OF THE RUSSIAN DESTINY. (SALTYKOV-SHCHEDRIN AND DOSTOEVSKY)

Abstract. The article is devoted to the critical notes of Saltykov-Shchedrin (in his cycle of essays «Abroad») on the famous Pushkin speech of Dostoevsky. The writers differed in their opinions on the religious consciousness of Russian peasantry, on the relation between poor and ruling classes, on the predestination of Russia. The polemic of two writers was connected with the resistance of Belinsky and Gogol, reflecting in their well-known letters. These controversies were the evidence, how difficult for the famous representatives of national culture in XIX century was the decision of the question, where was the common good of Russia. But Saltykov-Shchedrin and Dostoevsky were unanimous in the critical perception of European bourgeois spirit, in the faith in the future of their motherland.

* © Павлова И.Б.

Key words: the cycle of essays «Abroad» of Saltykov-Shchedrin, the Pushkin speech of Dostoevsky, poor classes, history, the future of motherland.

В первой главе цикла «За рубежом», опубликованной в «Отечественных записках» в сентябре 1880 г., важное место принадлежит сцене «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Этот замечательный сатирический диалог считается остро полемичным по отношению к пушкинской речи Достоевского, которую писатель произнес 3 июня того же года в Москве в связи с открытием памятника поэту. (Впервые напечатана в «Московских ведомостях», 1880, № 162, 13 июня). В дальнейшем ее главные положения были развиты в ответе профессору и публицисту А.Д. Градовскому, помещенному в августовском выпуске «Дневника писателя» на 1880 год. В книге «За рубежом» помимо этой сцены можно найти немало откликов, на выступление Достоевского, его излюбленные идеи последнего периода жизни.

В своей речи писатель сказал: «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю “в рабском виде исходил благословляя” Христос» [1]. А в третьей главе «Дневника писателя» на 1880 год он решительно ответил Градовскому: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его» [2]. Для Салтыкова-Щедрина были неприемлемы апелляции к смирению и покорности. По его убеждению, терпение лишь усугубляет тяжесть положения масс, доводит их до отупения. Это свойство становится добродетелью, когда речь идет о личности, народе с развитым самосознанием, волевым началом. Салтыков-Щедрин категорически не согласен с утверждением Достоевского о религиозной просвещенности русского народа. Наоборот, он невежествен, имеет скудные понятия о вере. Сатирик делает акцент на неразвитости крестьянских масс, их духовной безграмотности, когда вкладывает в уста «мальчика в штанах» вопрос, знает ли его русский сверстник, что такое Бог. И тот отвечает: «А Бог его знает, что такое Бог! У нас, брат, в селе Успленью-Матушке престольный праздник показан – вот мы в Спожинки его и справляем!», затем добавляет: «Не дошел? Ну, нечего толковать, я и сам, признаться, в этом не тверд. Знаю, что праздник у нас на селе, потому что нам, мальчишкам, в этот день портки надевают, а от Бога или от начальства эти праздники при-

казаны — не любопытствовал» [3].

Эти высказывания – пример полемических крайностей двух художников. В последнем крупном произведении Салтыкова-Щедрина хронике «Пошехонская старина» звучат проникновенные слова о простодушной горячей вере угнетенных. «Я понимаю, — говорит писатель, — что самый неразвитый, задавленный ярмом простолюдин имеет полное право называть себя религиозным, несмотря на то, что приносит в храм, вместо формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и воздыхания представляют собой бессловную молитву, которая облегчает его душу и просветляет его существо. Под наитием ее он искренно и горячо верит» [4]. А Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год в рассказе «Влас» не отрицает религиозной неразвитости масс, которая, однако, не препятствует богопознанию: «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит Его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о Нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей» [5].

Взгляды Салтыкова-Щедрина формировались под влиянием идей просветителей, представителей европейской философской мысли XIX в., прежде всего социалистов-утопистов. Однако «западническая» мировоззренческая закваска не помешала ему критически взглянуть на деятельность Петра I, которая обрекала Россию «на вечное рабство или вечную революцию» [6], на развитие русской государственности. Европейские порядки надо было укоренять постепенно, а не насаждать силой. Это привело к «странному раздвоению» в русской жизни [7]. Свой взгляд на положение вещей Салтыков-Щедрин высказал в письме к И.В. Павлову от 15 сентября 1857 г.: «Вспомни, что он (Петр I. – И.П.) учредил наших преторианцев, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то брауншвейгцев, то голстинцев.

Нет, воля твоя, а таким образом нельзя благодетельствовать отечеству. Петру просто по нраву пришлось заморские обычаи, а он и ну гнуть в этой сторону, благо материал попался способный. Слова нет, хороши обычаи,

но ведь они слились бы с нами естественным порядком ...» [8].

Достоевский неоднозначно оценивал деятельность Петра I. Писателю представлялось, что начиная с его царствования все в России происходит «залпом и неестественно» [9], в то же время «Петр Великий нас сделал гражданами Европы, и мы понесли общечеловеческое соединение идей» [10]. Последнюю мысль Достоевский акцентирует в пушкинской речи. За утилитарными, ближайшими мероприятиями петровской реформы, говорит он, скрывалось стремление к огромнейшим будущим целям. В своем начинании Петр повиновался некоему затаенному чутью, и точно так же русский народ не из одного утилитаризма принял реформу, а предчувствуя ее высший смысл: «Ведь мы разом устремились тогда к самому воссоединению, к единению всечеловеческому!» [11]

Особое призвание России и ее народа было заветным убеждением Достоевского. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [12].

Салтыкову-Щедрину чужд такой взгляд на вещи. Им создан обобщенный образ русского «культурного человека», «гулящего» за границей, среднего русского «скитальца», который тушует перед Европой, заискивает, томится там.

В пушкинской речи прозвучала мысль, что послепетровская Россия в течение двух веков служила Европе гораздо более, чем самой себе. Неблагоприятные условия развития, века бесчисленных страданий стали для народа главной школой христианства, «когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!» [13] Среди ключевых понятий щедринского творчест-

ва — народ, родина, история, государство. В каких отношениях они находятся, эту задачу он решал на протяжении сорокалетнего писательского пути. «Всегда эта страна, — говорится в цикле «За рубежом», — представляла собой грудь, о которую разбивались удары истории. Вынесла она и удельную поножовщину, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительское озорство и закрепощение. Все выстрадала и, за всем тем, осталась загадочною, не выработав самостоятельных форм общечеловеческого соединения. А между тем самый поверхностный взгляд на карту удостоверяет, что без этих форм в будущем предстоит только мучительное умирание ...» [14]. Что ждет его страну, утешает ли история, можно ли опереться на народ в той общественной ситуации, когда повсеместно царят насилие и бессознательность, этими вопросами сурово испытывалась просветительская вера Салтыкова-Щедрина. Он ощущал, что от «исторических утешений» отдает каким-то «холодом иронии».

Феномен России Достоевский и Салтыков-Щедрин понимали различно. Первый исповедовал провиденциальную, гармонизирующую миссию своей родины в деле братского сближения людей, тогда как в современной Европе наблюдается «комедия буржуазного единения» [15]. Художник-сатирик считал особенностью русской истории взаимное отчуждение отечества и государства, хотя официальная идеология прилагала значительные усилия представить их единым целым или подменить отечество государством. Верховная власть воспринималась массами как принуждающая и карающая фаталистическая сила, существующая вместе с административно-бюрократическим аппаратом ради самой себя. Отношение государства к простому народу всегда имело проявления грубо деспотические. Власть была не в состоянии защитить от нищеты и бед и не умела привлекать к себе даже в собственных прагматических интересах. По этому поводу в книге «Убежище Монрепо» автор заметил, что «только народы веселые и хороводолюбивые к обьегориванию ласковы; народы же угрюмые, узаконениями непосильно изнуряемые, даже для самых изобретательных кровопивцев дают мало пици» [16]. В массах веками накапливалось несочувствие государственной власти и жалость к отечеству.

Салтыков-Щедрин прекрасно понимал, что этот институт, осуществляющий управление обществом, является исторической не-

обходимостью. Если «отечество привлекает», то «государство — обязывает» [17], но в его руках сосредоточена огромная привилегия: оно властно обеспечить или не обеспечить отечеству стабильное существование, с чем следует считаться. Формы государства переходящи во времени. Из «идеальных» они постепенно становятся «призрачными», как определяет их писатель в статье «Современные призраки» (1863), и естественно делаются объектом внимания сатиры. Для Салтыкова-Щедрина «безгосударственность» народа не столько изначальное свойство, сколько следствие его подавленности «целым рядом насилий». Это серьезно препятствует выработке адекватных, «самостоятельных форм общежития».

В сарказмах по поводу России «мальчика в штанах» использовано выражение «новое слово», которое употребил в пушкинской речи Достоевский. «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел. Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» [18] — вопрошает писатель от лица недоверчивого оппонента. Салтыков-Щедрин прибегает к этому приему с двоякой целью: для противопоставления своей позиции взгляду Достоевского и выражения острой боли за родину. «Вот уже двадцать лет, — говорит «мальчик в штанах», — как вы хвастаетесь, что идете исполненными шагами вперед, а некоторые из вас даже и о каком-то “новом слове” поговаривают, — и что же оказывается? — что вы беднее, нежели когда-нибудь, что сквернословие более, нежели когда-либо регулирует ваши отношения к господствующим классам, что Колупаевы держат в плену ваши души, что никто не доверяет вашей солидности, никто не рассчитывает ни на вашу дружбу, ни на вашу неприязнь ...» [19]. Далее сатирик признает, что немецкий мальчик был во многом прав. Гороховица с салом слаще мякинного хлеба, сдобренного водой, обычай не рвать яблок с деревьев, растущих при дороге, похвальнее обычая опохмеляться чужим, плохо лежащим керосином. Но он неправ, что все блага цивилизации настолько ценны, что за них можно закрепить по контракту душу. В этом отношении следует отдать предпочтение «мальчику без штанов». «Положим, что его душа, точно так же как и немцева, не принадлежит ему в собственность, но он не продал ее за грош, а отдал даром. Как хотите, а это очень и очень интересная разница!» [20]

И.С. Аксаков дал высокую оценку

colloquium'у «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов», увидев в нем определенную близость своим воззрениям. «— При некоторой грубости и безвкусице, я должен признаться: задумана эта параллель великолепно. Разумеется, Салтыков на уровне понимания явлений. Гехт и Колупаев — удивительно ярко проведены. Щедрин в двух словах выразил нашу славянофильскую мысль: Гехту крестьянин свою душу продал и договор написал, а Колупаеву даром отдал, следовательно, во всякое время назад взять может. Это прямо гениально» [21]. Но правомерно ли считать, что в диалоге мальчиков «гениально» выражена «славянофильская мысль» или подмечена «очень интересная разница» в положении героев? Перед нами констатация факта: передача души нечистому, то есть духовное поражение. Его формы могут быть различны в зависимости от национальных, культурных, исторических условий, а вот оправиться после такого краха, взять душу назад мудро, хотя народу «надоел» господин Колупаев, он верит, что сочтется с ним и будет на его улице праздник. Это лишь слова, которые на данном этапе угнетенный класс не может подкрепить делами. Пока он не в состоянии противостоять миру, буржуазному хищнику.

Но заключительные строки второго раздела II главы цикла исполнены гражданского пафоса. Герой-повествователь соглашается с русским мальчиком, что, несмотря на нищету и угнетение, «у нас дома занятнее» [22]. Выражая авторский взгляд, он призывает соотечественников с доверием возвратиться в свой дом (в значении родины-России) и занять соответствующее место «в представлении той загадочной драмы, о которой нельзя даже сказать, началась она или нет» [23]. Салтыков-Щедрин, как и Достоевский, страстно желает, чтобы у народа и России было будущее.

Спор двух художников-мыслителей находится в преемственной связи с противостоянием Белинского и Гоголя, с такой силой воплотившегося в их известных письмах. Критик горячо утверждал, что «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и

справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение» [24].

Позорнейшим явлением русской жизни является крепостное право, рабовладение. В массах много суеверия, но они глубоко атеистичны. В природе простого народа нет мистической экзальтации, потому что он обладает достаточным здравым смыслом, ясностью и положительностью ума. В этом Белинский видит возможный залог «огромности исторических судеб его в будущем» [25].

В неотосланном письме критику Гоголь обратил внимание Белинского на то, что европейская цивилизация не может стать спасением для России: это беспредельное, безграничное понятие, которое вбирает в себя и деструктивные начала. Свои взгляды на отношения народа и власть имущих в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» писатель счел превратно истолкованными Белинским. Возможно, он допустил ошибку, что «мало обнаружил русского человека», «не развергнул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе» [26]. Мужик, по убеждению Гоголя, менее испорчен, чем все грамотное население, то есть чиновничество, помещичий класс, высшее сословие. Убедительнейшим доказательством истинных чувств русского народа к религии является огромное количество церквей и монастырей, покрывающих нашу землю. Они созидаются лептой неимущих. Те простецы, о которых Белинский говорит, что они с неуважением отзываются о Боге и духовенстве, делятся последней копейкой с беднейшим и с Богом, несмотря на горькую нужду. И вера их не посрамляется. «Вы говорите, что Россия долго и напрасно молилась». Нет, Россия молится не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась. Она помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов» [27]. Это драматическое объяснение свидетельствует, каким мучительно сложным для крупнейших представителей отечественной культуры XIX в. был поиск ответа на вопрос, в чем же благо России и ее народа и как обретается оно.

Салтыков-Щедрин не только антагонист Достоевского. Оба художника стояли на одинаковых позициях в отношении к буржуазному началу, торжествующему на Западе, «где все уже достигнуто и замечается стремление <...> проклясть свое будущее, в которое не хватает веры, может быть у самих проводителей прогресса, и поклониться Ваалу» [28], «далее и дороги нет» [29], как сказал До-

стоевский еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях». А в «Дневнике писателя» на 1880 год он спрашивает деятеля западной ориентации Градовского, осмелится ли тот отрицать, что поговорка «Chacun pour soi et Dieu pour tous» («Каждый за себя, а Бог за всех») уже стала общественной формулой, всеми принятой в Европе «и которой все там служат и в нее верят» [30]. «По крайней мере все те, которые стоят над народом, которые держат его в узде, которые обладают землей и пролетарием и стоят на страже «европейского просвещения» [31]. В цикле «За рубежом» Салтыков-Щедрин обрушил сатирические удары на французскую Третью республику и на конституционную германскую монархию, показал, что за фасадом парламентаризма угнетение трудящихся, хищничество, либеральное приспособленчество. Писатель завершает изображение Франции начала 1880-х гг., как бы в назидание России, афоризмом, ставшим крылатым: «республика без республиканцев, с сытыми буржуа во главе, в тылу и во флангах» [32].

Для Достоевского не подлежало сомнению, что в народной среде существуют праведники. Он обращался к Градовскому: «Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которых не коснулось еще наблюдение ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду, – видим мы их или не видим? Не знаю, кому дано видеть, тот, конечно, увидит их и осмыслит, кто же видит лишь образ звериный, тот, конечно, ничего не увидит. Но народ, по крайней мере, знает, что они есть у него, верит, что они есть, крепко этой мыслью и уповает, что они всегда в нужную всеобщую минуту спасут его» [33]. На этом убеждении Достоевский основывался, рисуя, например, Макара Долгорукого в «Подростке».

В творчестве Салтыкова-Щедрина вслед за богомольцами, странниками, представителями «чистой сердцем» толпы «Губернских очерков», удалым молодцом из «Развеселого житья», честным стариком, осудившим расправу с гребцом из книги «Сатиры в прозе», появляются образы простых людей, рвущихся постоять за мир, взвалкавших Истины: старец ходок Евсеич, дедушка Еремей, молодые крестьяне Иван и Федор, доискивающиеся причины своих бед. Они немногочисленны, но так и должно быть по жизненной и художественной логике. Произведения писателя свидетельствуют: массы загрузели в невежестве и нищете, запятнали себя под влиянием

невыносимых условий существования, не сумели выковать волю. Казалось бы, события прошлого и настоящего говорят: они обречены, и вдруг жизнь показывает, что инстинкт Истины не замер в них. Сатирик отразил в своем творчестве те особенности сознания беднейших слоев, которые вызывали в нем «любовь до боли сердечной», и фатальные для них и России. Он принимает во внимание совокупность тягчайших исторических обстоятельств, то, что в его стране простым людям всегда живется плохо. Поэтому первое обвинение Салтыков-Щедрин предъявляет «порядку вещей». В то же время для него несомненно одно: народ обязан осознать несмотря на все его муки, именно он во многом в ответе за то, что будет с Россией.

В пушкинской речи, в «Дневнике писателя» на 1880 год Достоевского и в цикле «За рубежом» Салтыкова-Щедрина отразились два различных типа мышления, два мирозерцания и правота того и другого писателя. У каждого из них было свое предназначение: взгляд аналитический, сатирический и почвеннический, выражающий безграничную веру в «народную святыню» и «правду», не отвергают друг друга, а, сосуществуя, раскрывают драматическую судьбу России и ее народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXVI. Л., 1984. — С. 148.
2. Там же. — С. 150.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. XIV. М., 1972. — С. 37.
4. Там же. Т. XVII. — С. 69.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. XXI. — С. 38.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. XVIII-1. — С. 183.
7. Там же. — С. 184.
8. Там же.

9. Там же. Т. XVI. — С. 37.
10. Там же. — С. 416.
11. Там же. Т. XXVI. — С. 147.
12. Там же. Т. XXI. — С. 147.
13. Там же. — С. 151.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. XIV. — С. 165.
15. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. XXI. — С. 148.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. XIII. — С. 396.
17. Там же. — С. 391.
18. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. XXVI. — С. 148.
19. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. Т. XIV. — С. 41-42.
20. Там же. — С. 58.
21. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. — М., 1975. — С. 309.
22. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. XIV. — С. 159.
23. Там же.
24. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : В 13 т. Т. X. — М., 1956. — С. 213.
25. Там же. — С. 215.
26. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. XIII. — Л., 1952. — С. 436.
27. Там же. — С. 443.
28. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. V. — С. 69.
29. Там же. — С. 68.
30. Там же. Т. XXVI. — С. 154.
31. Там же. — С. 153.
32. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. XIV. — С. 160.
33. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. XXVI. — С. 153.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. И.С. Аксаков о М.Е. Салтыкове-Щедрине // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1975. — С. 308-310.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. X. — М., 1956.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. XIII. — Л., 1952.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. V, XXI, XXVI. — Л., 1972-1990.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. XIII, XIV, XVII. — М., 1965-1977